

мнение

Татьяна Воеводина

Вновь о невежестве и нано-маниловщине

В редакцию пришло письмо от читателя, не согласного со статьёй «Похвальное слово невежеству». Данная статья – ответ автора на критику своих взглядов.

стр 2

интервью

Анатолий Вассерман

Обществу нужны грандиозные задачи

стр 8

Точка ру

№13
(49)
2010

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

реформа

Рустем Вахитов

Не милиция и не полиция

В чем смысл реформы Медведева и почему она не удастся?

Инициатива президента Д. А. Медведева по переименованию российской милиции в полицию вызвала бурную реакцию в Интернете и СМИ. Но, к сожалению, в большинстве случаев в ходе этого обсуждения просто выплескивались эмоции. Рационального, серьезного разговора так и не получилось. В сущности, противники советского строя поддержали идею президента, а сторонники советского строя с возмущением ее отвергли, что было вполне предсказуемо.

Между тем, можно было бы поднять дискуссию на совершенно иную теоретическую высоту, если бы ее участники задались простым вопросом: «а что такое милиция и что такое полиция?», из которого вытекал другой резонный вопрос: «чем же по сущности, а не по названию являются современные российские органы охраны правопорядка – полицией или милицией?»

Что такое милиция и что такое полиция?

Во всех странах, кроме России и некоторых стран СНГ, а также и у нас до революции, милицией называли и называют добровольные вооруженные формирования граждан, которые без отрыва от основного рода деятельности занимаются поддержанием порядка в выбранном ими районе (деревне, улице, квартале, заводе).

стр 4

реанимация истории

Схватка только начинается

Закончился очередной телевизионный «Суд времени» под названием «Иван Грозный: кровавый тиран или выдающийся политический деятель?» Не будем говорить о качестве самой программы – здесь всё как всегда: схватка «помоечников» (тех, кто не видит в России ничего, кроме исторической помойки – средоточия всего самого порочного и отвратительного) и обычных, нормальных граждан, осознающих неразрывное единство недостатков и достоинств России, её истории и народа.

стр 3

кинорецензия

Обыкновенные «сволочи»

Скоро нам всем опять покажут! В недрах отечественного кинематографа зреет фильм «Фуэте». Обсуждать еще не готовую картину – все равно, что Пастернака не читать, но мнение свое о нем иметь. И я бы никогда не стал посыпать головы создателей пеплом заранее, но здесь – случай особый. Даже если по всем канонам искусства это кино признают шедевром, даже если там талантливо сыграют все самые знаменитые актеры мира, даже если спецэффекты за-

тмят собой «Аватар» – фильм получится отвратительным. Ибо дурно пахнет изначально.

стр 6

три революции

Дмитрий Лысков

Причины возникновения продовольственного кризиса

Глава 10.

Продовольственный кризис складывался из ряда факторов, влияющих на экономику страны как каждый по отдельности, так и совместно.

Прежде всего, с началом

Первой мировой войны в России прошел ряд мобилизаций, изъявших из экономики многие миллионы рабочих рук. Особенно болезненно это отразилось на деревне – у крестьян, в отличие от фабричных и за-

водских рабочих, не было «брони» от отправки на фронт.

Масштабы этого процесса можно оценить, исходя из роста численности российской армии.

стр 7

Татьяна Воеводина

Вновь о невежестве и нано-маниловщине

Некоторые читатели газеты «Точка Ру» видят в моих писаниях как раз то самое невежество, которое вынесено в заголовок статьи.

Большое им спасибо за подтверждение моей правоты. Я – невежда, хотя высших образований у меня целых два. Причем окончила я солидные московские вузы с большими конкурсами при поступлении. Вот видите: образований навалом, а – невежда. Значит, правильно я пишу: толку от этих высших образований никакого – даже невежеству они воспрепятствовать не в силах. Скажу больше. В последние двенадцать лет я руковожу собственным бизнесом довольно приличного размера, являюсь работодателем. И невежество мое – делу не помеха. Получается, что высшее образование – не помеха невежеству, а невежество – не помеха успешной работе.

Теперь оставим в покое мою скромную особу и перейдём к делу.

Образование – тема небытовая, о ней чрезвычайно трудно написать маленькую статейку, но попробую наметить основные линии.

Под образованием понимаются разные вещи. Человек может получать знания, умения и навыки разными путями: из книг, от членов семьи, из собственных размышлений и путешествий (очень, кстати, образовательное занятие – путешествия), из бесед с другими людьми, из собственных попыток что-то сделать. Всё это – образование. Пути его во многом неисповедимы. Лично я получила большую часть своего скромного багажа знаний именно такими путями, а вот к преподаваемому в учебных заведениях материалу я чувствовала какое-то отторжение. Но все эти пути образования мы обсуждать не будем. Поговорим об организованной государственной системе образования.

И главное, что о ней следует сказать, это то, что система образования любой страны, любого общества – это не цель, а средство. Какие цели стоят перед обществом – такое у него и образование. Цели не всегда бывают ясно осознаны, их не следует понимать в духе школярского истмата, но они всегда, так или иначе, присутствуют. Так, в конце XVIII века в Англии потребовалось много людей, знающих грамоту, – растущий капитализм нуждался в более-менее грамотных работниках. Где же взять столько учителей? И вот «англичанин-мудрец, чтоб работе помочь», выдумал ланкастерскую систему взаимного обучения: учитель обучает самых смыслённых, а потом те – остальных. Из остальных выделяются новые смыслённые, и они тоже включаются в дело.

В другую историческую эпоху в СССР потребовалось быстро подготовить свою народную техническую интеллигенцию. В ответ на это требование жизни возникли рабфаки, на которых рабочие «пробежали» за два-три года программу средней школы.

В 1930-е годы вся страна, как и рабфаковец, «пробегала» за десять лет исторический путь, на который другие страны тратили столетия. Форсированная индустриализация потребовала создать систему среднего и высшего образования, нацеленную на задачу индустриализации страны. Отсюда – резкое преобладание технического образования. Это было правильно и разумно; по-другому и быть не могло. К 1950-м годам система советского образования обрела законченную и вполне целесообразную (т.е. соответствующую своей цели) форму. В чём же она состояла?

Система была нацелена на подготовку инженеров и рабочих преимущественно для военно-промышленного комплекса. Плюс специалисты и работники сельского хозяйства. Плюс врачи-учителя. Минимум гуманитариев (они требовались для развития науки об обществе и для обслуживания целей пропаганды). Школа была единой, и в этом единстве было что-то величественное. Когда-то Геббельс восхищался блестящей организацией католической церкви: в данный день по всему земному шару на разных языках произносится строго один и тот же текст. Советская школа близко подошла к этому идеалу: в определённый день (плюс-минус пара дней) от Камчатки до Калининграда школьники пятого класса изучали сложение простых дробей, а восьмиклассники – причины Французской революции.

С первого по восьмой класс все учились одному и тому же. Конечно, школы и учителя были разные, но единство программ и хорошие, внятные учебники, написанные не безвестными проходимцами, а квалифицированными специалистами, часто известными учёными, выравнивали местные различия. После 8-го класса кто-то шёл или в ПТУ (тогда они назывались ФЗУ), или прямо на производство, или в техникум. Имелась возможность завершить среднее образование в вечерней школе. Тот, кто шёл в 9-й класс, был нацелен на получение высшего образования. Это были лучшие ученики; их первоначальный отбор происходил ещё после 8-го класса. Было много школ-восьмилеток, после которых ученики переходили в другую школу, если шли в 9-й класс. В результате в вузы попадали лучшие ученики. И соответственно преподавать там можно было не на уровне троечника, а на уровне хотя бы хорошиста. Отсюда – технические успехи, запуск спутника и всё прочее.

Что случилось потом? А потом руководство страны дало слабину: было открыто множество новых вузов (не столько, сколько их теперь, но тоже порядочно); областные «педы» были переделаны в университеты, школы стали в основном средними, и народ повалил в вузы. Кто-то шел туда за образованием, но большин-

ство – чтобы не стоять у станка, а сидеть в конторе. Это происходило уже 1970-е годы. Тогда же возникла полукомическая фигура «простого инженера» – никчёмного, низкооплачиваемого, никем особо не уважаемого работника. Это был, забегая вперёд, взрывчатый материал перестройки, он копил недовольство и чувство невостребованности. Именно тогда от перепроизводства возникли «инженеры по социалистическому соревнованию», «инженеры по озеленению» и т.п.

Качество образования стало неуклонно падать. Это очевидно: массовое образование всегда ориентируется на нижнюю планку. Когда в вуз пошли троечники, преподаватели взяли ориентир на уровень понимания троечника. Настоящее высшее образование способно воспринять процентов десять населения, а, может, и меньше. Под высшим образованием я понимаю способность не просто что-то делать, а производить новые знания, решать новые задачи. Действия по известным алгоритмам, пусть даже и сложные, принадлежат к компетенции среднего образования. И весьма немногие способны по своим врождённым умственным способностям получить настоящее, а не имитативное высшее образование. Мы очень склонны считать, что всё определяет воспитание, среда, а биология – почти что ничего. На самом деле у каждого человека – свой потенциал, и у большинства он соответствует среднему специальному образованию. Стоит превзойти некий процент, который идёт в вузы, как уровень преподавания начинает падать. Это произошло ещё в Советском Союзе. Но заметьте: в 1970-е годы в вузы на дневное отделение попадали лишь 20% (!) выпускников средней школы. Теперь вообразите, что происходит сегодня, когда в вузы идут практически все! Вот что рассказывал мой сосед, доцент транспортного вуза. На подготовительных курсах задается вопрос: «Сколько будет $0,5 + S$?» Аудитория морщит лоб в глубоком раздумье. И они поступят. Практически все. А, поступив, окончат – у нас редко кого выгоняют.

К счастью, для подавляющего большинства работ высшее образование и не требуется. Требуется среднее специальное. Чтобы работать в детсаду и в начальной школе, чтобы делать маникюр и стричь волосы, чтобы торговать и работать в ресторанах, чтобы успешно трудиться на заводах и фабриках (исполнять, а не проектировать), чтобы строить дома и прокладывать водопровод – для всего этого нужно твёрдое и качественное среднее образование.

Что же происходит сегодня у нас в стране? На всех этих работах трудятся граждане с высшим образованием. Они осваивают эти работы на ходу, на лету, кое-как. Отсюда – тотальная неумелость, «косорукость» работников. Очень сложно найти умелого парикмахера, водопроводчика, портного. Но при этом все «верхнеобразованные».

Дополнительный эффект всеобщего высшего образования – это тотальная фрустрация. Эти граждане чувствуют себя обманутыми: им выписали диплом международного экономиста или невесте какого аналитика, а приходится ящички на складе передвигать. Ощущение такое, что судьба поманила да и бросила. Я постоянно встречаю в своей жизни таких бедолаг, и мне их искренне жаль.

Несомненно и очевидно то, что для каких-то работ необходимо высшее образование. Но получить такое образование могут далеко не все. Собственно, принцип «лучше меньше, да лучше» вполне применим почти ко всем сферам нашей жизни, в том числе и к высшему образованию. Высшее образование должно быть трудным, чтобы люди не шли в вузы ради продления счастливого детства.

Система народного образования – это продукт народного духа, и каждый народ порождает свою систему. Взять и вот так пересадить систему на чужую национальную почву очень рискованно, она может и не прижиться.

В целом существуют две системы – латинская и англо-саксонская. Названия эти – условны, были введены в оборот Густавом Лебоном в XIX веке. Латинская система нам хорошо известна – это наша, сначала российская, а потом советская система. В своё время она была заимствована из Германии. Это дедуктивная система: сначала изучается общее, а потом особенное, сначала изучается теория, а потом учат применять её на практике.

Англо-саксонская система другая. Она индуктивная: в ней мысль идет от частного к общему. В ней сразу начинается изучение практики. Теория подается в минимальных размерах и в качестве обобщения практики. Сначала готовят техника, медсестру, а потом уже из специалиста со средним специальным образованием изготавливают соответственно инженера или врача. Или не изготавливают – это уж как сложится.

Та и другая системы не идеальны. В чём-то хороша одна, в чём-то – другая. В тех специальностях, где важна большая научная база, предпочтительна латинская. В практических сферах – англо-саксонская.

Как-то я повстречала девушку-англичанку, которая рассказала мне, как она учится в английском колледже гостиничного дела, расположенном на Кипре. Не помню всех подробностей, но суть примерно такая. Вся учёба происходит в гостинице. Сначала студенты участвуют в уборке помещений на практике – чем тереть, когда, с чего начать и чем закончить. Затем сдают экзамен и получают сертификат профессиональной уборщицы. В принципе, они могут уйти и работать уборщицами, что некоторые и делают. Оставшиеся из-

учают пищеблок: как организовать завтрак, что готовить, как подать. После экзамена студент вновь получает сертификат и в принципе может уйти. Потом по тому же принципу изучается система бронирования и рецепция. Таким образом, самые упорные и умные добираются до уровня руководства гостиницы. Вот там изучается и экономика, и бухгалтерия и – страх сказать! – какая-то математика. Результатом такого обучения оказывается то, что человек, освоивший полный курс, может прийти хоть в пустыню, организовать там гостиницу и запустить её в работу. Ему не нужно будет ничего импровизировать – он «знает как».

Как учат у нас на специальности «туризм и гостиничное дело»? Сначала изучается математика, политэкономия, отечественная история, страноведение, география. Затем экономика. Бухучёт. Потом, если удастся устроиться куда-то на практику, происходит некоторое знакомство с гостиницей. Ну а дальше – как повезёт. Почувствуйте разницу! В результате нашего образования получается импровизатор с политэкономией. В результате их образования – менеджер гостиницы. Тупой и ограниченный. Но в гостинице будет чистота и порядок.

Для гостиничного дела англо-саксонская система годится идеально. Но попробуйте таким манером подготовить ядерного (или любого другого) физика! Ничего не выйдет. Эта система хороша для узкопрактических специальностей, там она работает. В специальных, где велика теоретическая база, выигрывает латинская система, ну а англо-саксонская, соответственно, проигрывает.

Что касается азиатов, то у них вообще иные ментальные подходы. Мой муж, инженер-физик по образованию, как-то съездил в Южную Корею на научную конференцию по радиоэлектронике (что-то связанное, кажется, с антеннами). Так вот пока одни ученые что-то там научно рассчитывали, китайцы просто наугад паяли сотни этих антенн (или иных каких-то устройств) и путём подбора находили нужные параметры. Русскому уму это не даёт надлежащего интеллектуального удовлетворения, однако практическая задача решается и тем, и другим способом. Получается, что у каждого народа свой стиль жизни, мышления и образования. Какой лучше? Лучше тот, который быстрее решает его практические задачи. А также тот, к которому этот народ привык.

Поэтому является довольно глупым то, что все народы добровольно прогибаются под американскую систему образования – ведь именно в этом и состоит суть «Болонского процесса». С другой стороны, понять можно всех: в Америке зарплаты большие, гранты опять же...

У нас, в стране мирового гротеска, и англо-саксонская система (пресловутые бакалавры-магистры) приобретает гротескный вид. Вузовский курс, который издавна был построен как дедуктивный (от теории к практике), попросту режут надвое. Бакалавр не получает никаких практических навыков и выпускается фактически человеком без профессии. Что он будет делать дальше – неясно.

Зачем это ввели? Зачем нам вообще этот самый «Болонский процесс»? Уверена: ввели его из суесть и низкокочности перед Западом – это давняя болезнь нашего народного духа. Официально ее объясняют так: Болонская система вводится, чтобы наши дипломы признавались на Западе. А зачем нам это надо? Мы к чему стремимся – чтобы наши молодые люди оставались работать здесь или уезжали? К тому же своих невежд и тупиц у них пруд пруди, а знающих и умелых они всегда принимали с распростёртыми объятиями. Товарищи моего мужа по физтеху всегда находили работу на Западе, потому что умели что-то ценное. Здесь собака зарыта, а не в «Болонском процессе».

Если мы хотим развиваться, нам нужна компактная, дешёвая, эффективная система образования. С креном в сторону техники и естественных наук. Основной массе народа необходимо обеспечить добротное среднее специальное образование. Но это всё предполагает индустриализацию.

И ещё добавление – не совсем по теме образования, но важное и для нее. Представление, что мы вот так шагнем из мира ржавого железа в сияющий мир нанотехнологий и экономики знаний, – это прекраснотупая мечта праздной гуманитарной интеллигенции. Чистая маниловщина в нано-очищенном виде. Это всё равно, что пытаться овладеть высшей математикой, не зная таблицы умножения. Индустрия – это не только заводы, фабрики, технологии и всё, что с этим связано. Индустрия – это, в первую очередь, индустриальный тип сознания и мышления, это определённая квалификация всего населения в целом: понятливость, грамотность, дисциплина, умение следовать технологической прописи. Непростое это дело... За последние двадцать лет у нас выросло фактически неиндустриальное поколение. Это гораздо хуже, чем физический развал заводов и фабрик.

Образование напрямую зависит от тех задач, которые ставит перед собой народ, страна. У нас, кроме пустопорожней болтовни и прекраснотупной мечтательности, никаких задач не видно. Всеобщее пятилетнее отсиживание в вузах с поигрыванием в телефончик под партой, как нельзя лучше отвечает этому положению. Заложено оно было ещё в благословенный застой, а полностью расцвело только сейчас. Но продолжаться долго так не может. Появятся у страны задачи – появится и новое образование.

Схватка только начинается

Поговорим о *качестве аргументов нормальных граждан*, которых на «Суде времени» представляет Сергей Ервандович Кургинян и его эксперты-помощники.

Казалось бы, это качество беспрецедентно высоко: всего 13% зрителей высказались за позицию «помощников» – обвинителей русской истории, а 87% – за позицию нормальных граждан, её защитников. Но можно ли эти цифры считать доказательством триумфа главного защитника – С. Е. Кургиняна?

Судите сами: защитник промолчал в ответ на настойчивые просьбы обвинителя объяснить положительный смысл опричнины, а обвинение Ивана Грозного в том, что он развязал войну против собственного народа, фактически поддержал, пустившись в рассуждения, что война против собственного народа – дело в мировой истории обычное. То есть данный раунд «Суда времени» защитник попросту проиграл. Поэтому вышеупомянутые цифры голосования приходится объяснять не высоким качеством его аргументации, а тем фактом, что заметно умнеющий народ России давно уже не верит ни одному их слову.

Понятно народу и то, что телевизионный «Суд времени» – никакой не суд, а политический спектакль, нежданно провалившийся для тех, кто его затеял. А раз так, то самое время продолжить дело защиты уже вне рамок спектакля и досказать несказанное.

Современное массовое сознание воспринимает слово «опричнина» как синоним слова «террор», а под «опричником» подразумевает бандита и насильника. Между тем, до эпохи Ивана Грозного «опричник» – это всего лишь человек, вступивший в права землевладения «опричь» основного законодательства (например, «опричницей» могла стать какая-нибудь вдова служилого дворянина, оставшаяся после его смерти с детьми без средств к существованию). Право наделять землёй «опричь» основного законодательства принадлежало Великому князю, а новую специфику это право приобрело во времена Ивана Грозного, который воспользовался им как *технологией реформирования земельного законодательства*.

Реформировать это законодательство начали уже дед Грозного Иван III и отец Василий III. Суть реформы заключалась в переводе вотчинного землевладения в ранг жалованного поместного. Тем самым независимые и самовластные вотчинники переводились в разряд служилого (зависимого от Великого князя) социального класса. Но процесс реформирования затянулся, а после смерти Василия III и вовсе приостановился (именно про этот отрезок русской истории Карамзин сказал, что «никогда Россия не управлялась хуже»). Нужен был какой-то качественный сдвиг, чтобы закончить реформу. Этот сдвиг и произвёл Иван Грозный, превративший своё «опричное» право в инструмент реформирования. Придав «опричному» праву необычайно широкий характер, он фактически создал дополнительный орган политического управления, с помощью которого и завершил начатую его дедом реформу.

Вот что пишет об этом польский историк и доктор права К. Ф. Валишевский (1849–1935), который, при всём своём общепольском неприятии русских порядков, проявляет в отношении Ивана Грозного поразительную трезвость и взвешенность суждений:

«В этом опыте мы должны отметить два главных момента – преобразование вотчинного землевладения в помещичье и перенесение слуг государя в новую для них среду. У вотчинника отбиралась его земля, свободная от повинностей, его самого отрывали от родного гнезда, где веками создавалось его благосостояние и общественное значение. Его связи с зависимым от него населением расторгались. Его наделяли новым участком земли, но условно и временно, заставляя его за это служить и нести наравне со всеми общие повинности... О практических последствиях всей этой перетасовки можно судить по следующему примеру. До Ивана VI 63 из 272 вотчинников Тверской области не несли никакой государственной службы. Одни из них служили двоюродному брату царя Владимиру Андреевичу, другие – потомкам прежних удельных князей (Оболенских, Микулинских, Мстиславских, Голицыных, Курлятевых) и даже боярам. Опричнина совершенно изменила это положение, заставив служить всех одному государю. Кроме того, она уничтожила частные военные силы, опираясь на которые, непокорные вотчинники зачастую были для царя опаснее внешних врагов. Она провозгласила принцип личной службы и установила на всей территории государства систему прямых и косвенных налогов, взимаемых в казну».

Утверждение, что опричнина была бессмысленной затеей, имеет своим главным обоснованием тот факт, что Иван Грозный впоследствии прощал опальных и возвращал им конфискованные ранее земли. Но если рассматривать опричнину как технологическую реформу реформирования земельного законодательства, то утверждение о бессмысленности опричнины теряет всякий смысл. Ведь конфисковывал царь *вотчинные* земли, а возвращал – *жалованные*. А это значит, что реформа удалась. Это значит, что не было «двух Иванов» – раннего «мудрого реформатора» и позднего «сумасшедшего тирана», а был «один успешный реформатор».

Разумеется, цена успеха реформы была, как всегда и везде в таких случаях, высокой. Но и преувеличивать её тоже не следует. Историк Скрынников, например, связывал экономический упадок страны в начале 80-х гг. XVI в. с трёхлетним голодом и чумой 1569–1571 гг. Запустение земель, которое, действительно, имело место во второй половине XVI века, было вызвано оттоком крестьянства (тогда свободного) на новые земли расширившегося государства. Немалое значение имели также последствия затяжной и не слишком успешной Ливонской войны. Но в любом случае говорить о *катастрофических* последствиях правления Ивана Грозного нельзя уже только потому, что страна достаточно быстро восстановила свои силы при сыне Грозного Феодоре.

Несколько слов о жестокости Ивана Грозного. Не будем лукавить: цена преодоления внутригосударственных смут была, как показывает изучение источников, качественно одинаковой и в Западной, и в Восточной Европе; и там, и здесь она считалась совершенно оправданной. Не только А. Данте в XIV-м веке и Н. Макиавелли в XV-м, но и Т. Гоббс и Дж. Вико в XVII-м видели в преступлении монарха-тирана зло на много меньшее, нежели то, которое порождается своеволием безответственной аристократии. И точно также смотрел на данную проблему свидетель кровавых казней гроз-

Сергей Кургинян на передаче «Суд времени»

ного царя английский мореплаватель Ченслер, выразивший, по Валишевскому, «взгляд просвещённых, культурных современников Ивана». «Дай Бог, чтобы и наших упорных мятежников научили таким же способом обязанностям по отношению к государю», – писал он.

Называть обуздание аристократического своеволия «войной с собственным народом» можно только лишь с недобросовестной целью выдать желаемое за действительность.

Но откуда сама эта цель – выдать желаемое за действительность?

Мы поймём это, если вспомним, что все современные разговоры о «зверствах» Грозного и других русских царей в итоге призваны противопоставить «чужовидное русское рабство» «свободе и демократичности цивилизованного Запада». А все разговоры о «свободе и демократичности цивилизованного Запада» имеют своим негласным образцом для подражания государственное устройство рабовладельческих Афин, то есть власть немногих привилегированных над многими обездоленными. Это очень хорошо прослеживается на материале истории Западной Европы, где уже в средние века понятие «свободы» в принципе не имело отношения к «подлому сословию»; «свободной» в то время считалась одна лишь «благородная» часть общества (фактически слова «благородный» и «свободный» взаимозаменяли друг друга вплоть до эпохи Просвещения XVIII века). Да и Реформация лишь укрепила идею привилегии для немногих посредством культивирования представления о предопределённости, содержащего в зародыше концепцию «избранности» и лежащего в основе всех европейских расовых и социальных доктрин («высшей» и «низшей» расы, расы «бедных» и «богатых» и т. д.).

Как следствие, монархии в Европе достаточно рано оказались ограничены словесно-представительными органами, каковые, естественно, вплоть до XVII–XVIII вв. формировались из представителей одного только аристократического сословия (ссылки на английскую Великую Хартию Вольностей 1215 г. или на французские Генеральные Штаты 1302 г. как на признаки народовластия вызывают у серьёзных историков лишь улыбку). И даже «абсолютный» монарх был в Европе не столько *стоящим над всеми*, сколько *первым среди равных* (в аристократическом ряду). А в постсредневековой Европе, с её парламентаризмом и республиканизмом, привилегии родовой аристократии растворились в привилегиях аристократии финансовой, где легитимировали себя посредством правовой казуистики. Притом, что сохранилась и сама родовая аристо-

кратия: 90% властительных фамилий средневековой Европы остаются у власти и сегодня. Тем самым элитарно-аристократический характер власти в западноевропейском обществе оказался надёжно закамуфлирован «под свободу и демократию» формально-юридической процедурностью.

Камуфляж тут необходим и неизбежен: ещё А. Тойнби отмечал, что в теории демократия предусматривает стирание различий между правителем и подданными, однако на практике атрибуты власти оказываются в руках небольшой группы специалистов – юристов, судей, полицейских и т. п. Неудивительно, что важнейшей функцией такой модели власти оказывается теория и практика «двойных стандартов». И хотя о «нестерпимом тиранстве» и «отвратительном цинизме» того, что принято называть «западной демократией» и её «правовым полем», говорил ещё А. С. Пушкин (в комментариях на «Записки Джона Теннера»), до сих пор европоцентристская пропаганда не прекращает попытки выдать сложившийся на Западе тип отношений между *цивильными гражданами* (между «своими») за якобы всеобщий, фундаментальный тип межчеловеческих отношений.

Нужно ли добавлять, что на звание главного представителя «гражданского общества западной демократии» претендует именно и только эта «элита своих»? И нужно ли специально объяснять, что её привилегированное положение в обществе было бы невозможно без соответствующего идеологического обеспечения – без пропаганды рыночного социал-дарвинизма, закамуфлированного под «свободу» и «демократию» в их европоцентристской трактовке? (К слову сказать, сегодня именно такая пропаганда и выдаётся повсеместно за «деидеологизацию»).

Разумеется, об очень многих аспектах всей обозначенной проблематики говорил и сам С. Е. Кургинян. В этом смысле неудачность его выступления в посвящённом личности Ивана Грозного заседании «Суда» относительна. Он был там не хуже и не лучше, чем обычно, то есть – великолепен и неотразим в полемическом напоре, в широте взглядов на предмет обсуждения, в логике построения аргументации. Но очевидно, что исторической конкретике в его аргументации не хватало.

А овладеть ею надо. Ведь настоящая идеологическая схватка с «помощниками» только начинается.

С. В. Горюнков

Член Союза писателей России,
Член-корреспондент ПАНИ, консультант
Отделения социальных технологий

Рустем Вахитов

Не милиция и не полиция

В чем смысл реформы Медведева и почему она не удастся?

Толковый словарь Даля так и определял милицию: «...ополчение, ратники, народная рать».

Термином этим мы обязаны древним римлянам. В Римской республике милицией (от латинского «militia» – вооруженный) называлась армия, которая формировалась из граждан, способных нести военную службу, причем по призыву набирались не только рядовые, но и офицеры, и в армию они приходили со своим оружием.

Армия в Риме выполняла и функцию охраны правопорядка: вооруженные граждане в составе армейских подразделений – центурий патрулировали улицы, пресекали правонарушения, задерживали преступников.

Позднее своеобразной милицией было также вооруженное ополчение средневековых городов-государств, где каждая улица была общиной со своим уставом и старшиной, а представители отдельных профессий объединялись в цеха – сообщества взаимопомощи, имевшие собственное оружие и в случае надобности превращающиеся в вооруженные отряды самообороны.

В допетровской Руси для осуществления борьбы с преступниками простонародьем избирались «губные старосты» и их помощники «губные целовальники», которые позднее, в XVI веке, были подчинены «разбойному приказу». В ходе деятельности по охране порядка губные старосты привлекали местное население, то есть это была своего рода милиция.

В ходе реформ Петра I городское самоуправление общинного типа было уничтожено, и в городах была учреждена полиция. Однако милиция также продолжала существовать. Так можно охарактеризовать казачьи отряды, которые сами занимались наблюдением за порядком в местах компактного проживания казаков (казаки по законам Российской империи имели право на ношение оружия). Подразделения, альтернативные казачьим соединениям и называемые ландмилицией, организовал и сам Петр. Перед войной 1812 года правительство Александра I создавало милицию из крестьян и дворян для борьбы с французами в случае их нападения.

Русская деревня также имела подобие милиции, хотя, конечно, слова такого не знала. Деревенская община сама справлялась с урегулированием конфликтов, возникающих внутри нее, не прибегая к помощи полиции и опираясь на традиционное крестьянское право. Так, в России глава «мира» – староста – выбирал из среды крестьян сильных и добропорядочных парней, скажем, чтоб предотвращать драки в праздничный день. Крестьяне сами справлялись с пришедшими извне преступниками (например, устраивали самосуды над конокрадами), и хотя это противоречило законам империи, полиция старалась при этом оставаться в стороне, признавая за крестьянами право на автономную жизнь. Однако в строгом смысле общинные крестьянские «правоохранители» милицией не были, потому что не имели оружия (за исключением охотничьих ружей). Право на ношение оружия имел лишь помещик-дворянин как представитель воинского сословия.

Итак, милиция, или вооруженное ополчение – это характерное для традиционного докапиталистического общества явление. До капиталистической атомизации общества люди были объединены в общины по кровнородственному, соседскому, профессиональному или религиозному признакам. В докапиталистический период государство без лишней надобности не вмешивалось в жизнь этих общин. Соответственно, и охрана порядка была делом самих этих общин, являясь неотъемлемым элементом их самоуправления.

Зарождение и развитие капитализма было связано с сознательным и целенаправленным разрушением традиционных общин со стороны государства. Однако с исчезновением общин исчезло и общинное самоуправление, в том числе и поддержание порядка силами самих горожан. Кроме того, многие бывшие общинники, превратившиеся в нищих бродяг, попрошайек и безработных, пополнили армию преступников. Для борьбы с преступностью государство стало создавать специальные формирования профессиональных борцов с преступностью – полицию. Работники полиции получили от государства право разыскивать преступников, задерживать их, допрашивать и отправлять судебным органам для установленного законом наказания за

преступление. Соответственно, народ лишился этих прав.

Так определились две основные функции полиции: охрана порядка, борьба с правонарушителями и противостояние протесту народа против политики государства и направляющей ее капиталистической олигархии.

Нужно заметить, что с функцией охраны порядка полиция справлялась и справляется недостаточно эффективно. По сравнению со средневековыми городами-республиками преступность в капиталистической Европе заметно возросла. Полицейские не всегда были в состоянии справиться с ней: в отличие от местных жителей, они не так хорошо знали районы города, нравы их обитателей. Наконец, в либеральных странах установлены традиционно низкие налоги, так как буржуазия не желает платить деньги, чтобы обезопасить от преступности все население – положение народа ее не очень-то волнует. Соответственно бюджет не позволяет содержать многочисленный полицейский аппарат. В этих странах вскоре сложилась ситуация, когда полиция сосредотачивает свои усилия преимущественно на охране фешенебельных районов, где живут бизнесмены, высокопоставленные чиновники, элита, а районы, населенные бедняками, зачастую практически предоставлены самим себе. Наконец, сами граждане в либеральных странах не желают излишнего вмешательства полиции в свою жизнь. Ведь полицейские – это не общинные отряды самообороны, состоящие из соседей и родственников, а чужие люди, облеченные большой властью, и в силу этого часто смотрящие свысока и с подозрением на граждан.

Такое уменьшение правоохранительной функции государства в некоторых странах Запада компенсируется широкой свободой приобретения, ношения и использования гражданского оружия (разумеется, даже в самых либеральных странах такая свобода не является полной и предполагает ряд ограничений, например, на приобретение оружия несовершеннолетними, психически больными лицами и т.д.). Яркий пример такого рода представляют США, где оборона от преступников, в том числе и вооруженная, в большой степени лежит на плечах самих граждан; причем граждане это традиционно рассматривают не как горькую необходимость, а как право, гарантирующее их свободу от посягательств государства в область частной жизни. Действительно, граждане США имеют право образовать и образуют вооруженные отряды самообороны, так называемые «частные милиции», которые включают в свой состав соседей по улице или даже членов одной большой семьи, живущей на собственной ферме в отдалении от городов. Существуют в США и официальные «милиции штатов» и «морские милиции». Черты милиции имеет и команда шерифа, а также Национальная гвардия США, которая на 2004 г. насчитывала 450 000 человек.

Другая страна, которую считают образцом либерализма – Швейцария. Это единственная страна мира, где государство обязывает граждан иметь дома оружие. Связан сей парадоксальный факт с тем, что в Швейцарии со времен средневековья сохраняется армия милиционного типа, то есть в виде народного ополчения. Каждый годный к военной службе гражданин приходит в армию с личным оружием, которое остается в его собственности и после.

Можно вывести определенную закономерность, которая, конечно, является очень общей и не строгой: чем более либеральной является страна, тем больше свободы в приобретении, ношении и использовании гражданского оружия и создании милицейских отрядов. И, наоборот, в тех странах Запада, где режимы тяготеют к этатизму, право на гражданское оружие существенно ограничивается, забота о правопорядке ложится на плечи полиции, соответственно, полицейские имеют широкие права и аппарат полиции очень велик. Яркими примерами являются современная Франция или Германия.

Поскольку же везде на Западе наблюдается усиление государства, можно предположить, что милиция, как и свобода ношения и использования в целях самообороны гражданского оружия, там постепенно будет сходить на нет.

Почему российские правоохранительные органы называются милицией?

Очевидно, что милиция как таковой в современной России нет (как ее не было и в СССР, где на роль милиции могли претендовать разве что добровольные дружины помощников милиции, да и то с большой натяжкой, потому что оружия дружинникам не выдавали). Милиция – это, как мы убедились, добровольные, состоящие из частных лиц вооруженные отряды по охране правопорядка. У нас же этим занимались и занимаются государственные чиновники, имеющие монопольное право на ношение и использование боевого огнестрельного оружия. Во всем мире такие подразделения называются полицией. Итак, и в СССР, и современной России была и существует полиция (в данном случае мы не привносим в это слово никаких ассоциаций – ни положительных, ни отрицательных, и просто исходим из его изначального значения). Почему же российские и советские правоохранительные органы называются милицией? Чтоб понять это, нужно вспомнить, какова была точка зрения партии большевиков на вопросы охраны порядка. Здесь нас ожидает большая неожиданность.

Еще в программе РСДРП (б) было записано, что цель социал-демократов – переход от государственных правоохранительных органов и кадровой армии (то есть от полиции и «профессиональной армии») к всеобщему вооружению народа, а именно: к вооруженным добровольческим патрулям гражданских лиц для поддержания внутреннего порядка и добровольческому вооруженному ополчению по территориальному признаку в случае внешней опасности (то есть к милиции). В связи с этим большевики выступали за вооружение народа, и, как минимум, за свободную продажу оружия частным лицам.

Показательна также статья В. И. Ленина «Пошабыли главное (муниципальная платформа партии пролетариата)», опубликованная в газете «Правда» 5 мая 1917 года. Ленин отождествлял полицию, то есть профессиональных правоохранителей, с «профессиональной кастой», состоящей из людей «натасканных» для «насилия против беднейшего населения», и много раз повторял, что советской власти нужна милиция – вооружение народа. Интересно описать, как Ленин представлял себе функционирование этой милиции. По мысли вождя революции, либо рабочие заводов должны время от времени командироваться в вооруженные милицейские отряды для охраны порядка, причем по месту работы они должны продолжать получать зарплату за эти дни, либо все трудовое население должно быть охвачено обязательной милицейской повинностью на одну или две недели в год. На практике в период с февраля по октябрь 1917 г. возникает милиция первого типа (рабочая милиция).

Необходимость создания милиции была продиктована тем хаосом и разгулом преступности, которые обрушились на большие города и, прежде всего, на Петроград в 1917 году. Февральская революция упразднила полицию Российской империи. Корпус жандармов был расформирован, полицейские чины в одночасье лишились работы, разъяренное население прямо на улице забивало городских до смерти. Временное правительство пыталось создать собственные полицейские органы, которые оно назвало «народной милицией», чтоб подчеркнуть их близость к народу, однако новая «милиция» не могла справиться с взрывом насилия. Разгул преступности продолжался. В ответ на него жители городских районов, студенты, рабочие предприятий, члены радикальных партий стали создавать вооруженные отряды самообороны, то есть милицию в собственном смысле слова. Однако наиболее массовыми и организованными становятся отряды рабочей милиции. Они создаются в большинстве предприятий из числа добровольцев-рабочих, осуществляющих вооруженное патрулирование территорий, прилегающих к заводу (отряды были по десять человек и возглавлялись десятниками, подчинялись непосредственно фабрично-заводским комитетам). Именно о них и писал Ленин в своей статье, призывая к тому, чтоб они полностью заменили полицию. Нередко рабочая милиция действовала совместно с Красной гвардией – вооруженным резервом большевистской партии.

10 ноября 1917 года по приказу народного комиссара внутренних дел советской Российской республики (РСФСР она стала называться лишь

в 1918 г.) А. Рыкова отряды рабочей милиции были переданы от фабрично-заводских комитетов Советам депутатов. То есть в этот день рабочая милиция стала советской. Именно это событие и празднуется как «день милиции» современной российской полицией, по недоразумению называемой пока еще милицией и не имеющей никакого прямого отношения ни к Советам, ни к милиции.

«Народная полиция» и милиция в СССР

Однако вскоре действительность показала, что одним лишь вооружением народа невозможно победить тот шквал преступности, который захватил Советскую Россию в гражданскую войну и после нее. Уже в 1918 году сотрудники милиции превращаются в штатных служащих государства с выдачей соответствующего материального содержания. Были разграничены функции милиции и Красной армии, и был создан государственный орган управления «милицией» – Главное управление милиции, написаны и разосланы инструкции, регулирующие действия чинов милиции. Тогда же при главном управлении был учрежден отдел уголовного розыска, соответствующие отделы появились и на местах. В 1919 году вышел закон «О советской рабочей-крестьянской милиции», а в 1920 г. – положение о рабоче-крестьянской милиции, которые завершили превращение милиции в государственную организацию. По ним работники милиции окончательно становились госслужащими, подчиняющимися вышестоящему начальству. Они получали денежное содержание, обмундирование и оружие от государства в лице местных Советов, но в остальном от них не зависели. Сотрудники милиции освобождались от призыва в Красную армию, но при этом сами превращались в особого рода военнослужащих: в милиции вводилась воинская дисциплина, уставы, особая форма. Фактически к 1920 году собственно милиция, то есть добровольная вооруженная самозащита граждан, созданная по производственному (рабочая милиция) и территориальному (советская милиция) принципам, превратилась в особую армию для ведения внутренней войны против преступности. Иными словами, милиция превратилась в полицию. А в 1936 году милиция окончательно перестала быть советской (конечно, де-юре, а не де-факто), ее финансирование передали от местных Советов центральным государственным органам. Наконец, позднее окончательно разделились криминальная милиция, которая занимается уголовными преступлениями, и милиция общественной безопасности, осуществляющая надзор за порядком и помогающая другим госслужбам в случае надобности; формирование советской «милиции» завершилось.

Вместе с тем милиция в СССР, будучи полицией в строгом смысле слова, существенно отличалась от полиции зарубежных капиталистических стран, поэтому ее и можно обозначить ее как особую «народную полицию». На Западе существует четкая граница между государством и гражданским обществом. Причем государство для общества – это группа профессионалов (юристов, управленцев, военных, правоохранителей и т.д.), которая осуществляет услуги обществу согласно взаимовыгодному договору – охраняет общество от внешних врагов, от преступников, поддерживает порядок и разрешает внутренние конфликты, за что общество оплачивает труд государства посредством системы налогов. Сами же по себе государство и гражданское общество любви друг к другу не испытывают. В полной мере это распространяется и на отношение западного общества к полиции. Полицейские для него – это никак не связанные с народом госчиновники, которым, в сущности, нет дела до интересов простого человека и которые, если их не контролировать, склонны к превышению власти, немотивированному насилию, бесчинствам и т.д.

В СССР же сложилась совершенно иная ситуация. Советское государство было патерналистским, то есть добровольно брало на себя заботу обо всем обществе. Оно воспринималось обществом не как конкурент, а как отец большого семейства или, по крайней мере, как уважаемый глава общины, следящий за тем, чтобы ее доходы были поделены справедливо, и никто не остался в ущербе.

Отсюда и восприятие особого отряда исполнителем власти советского государства – милиции – как патерналистской инстанции, которая не только стоит на страже правопорядка, но и оказывает воспитательное воздействие, ставящая на «путь истинный». Милиционер воспринимался как свой, представитель народа, которого народ же уполномочил бороться с преступностью и охранять порядок.

Патерналистское толкование функций

милиции в СССР нашло выражение в том, что базовым элементом милиции общественной безопасности стал институт участковых инспекторов. Нигде, кроме СССР, такой должности в полиции нет. Считают, что исключение составляют США, но это не так. Участковый часто назначался из среды жителей района или деревни (каковые приравнивались к участкам), он всех или почти всех знал хотя бы в лицо, пользовался уважением, был вхож почти во все дома. Он не только пресекал преступления и правонарушения, но и вел воспитательные беседы, помогал разрешить бытовые конфликты, воздействовал авторитетом и личным примером.

Близость «милиции» в СССР к народу выражалась и в другом. В трудные экстренные моменты истории страны Советов в ней воссоздавались элементы милиции в строгом смысле слова. В 1930 году, когда еще недалеко был угар НЭПа, и уровень преступности в городах был очень высокий, Совнарком РСФСР принимает решение о создании добровольных обществ по содействию милиции (ОСОДМИЛ) при местных Советах, которые впоследствии были переименованы в бригады содействия милиции (БРИГАДМИЛ) и переподчинены милицейскому управлению. В годы Великой отечественной войны БРИГАДМИЛ был реорганизован в группы общественного порядка (ГОП), члены которых фактически превратились в настоящую полноправную вооруженную самооборону народа. БРИГАДМИЛ был распушен в конце 1950-х, а в 1969 г. были созданы добровольные народные дружины. В 1971 г. в СССР насчитывалось около 173 тыс. дружин, объединяющих около 7 млн. человек. Они серьезно дополняли работу органов милиции.

Итак, советская негосударственная добровольческая милиция существенно отличалась от такой же милиции в странах Запада. На Западе милиция граждан действует вместо государства на тех территориях, где отсутствуют официальные правоохранители (либо потому, что сил полиции не хватает, либо потому что эта территория находится в частной собственности и ее хозяин не хочет пускать на нее полицию). Милиция там заменяет полицию. В СССР же милиция, то есть добровольческое ополчение, действовала вместе с государственными правоохранителями, помогая им. Выходит, граждане видели в «милиции» союзника в борьбе с преступностью, а не чужих и опасных чинуш, которые бросают их один на один с преступностью, и нужно еще радоваться тому, что избежали «тяжелой длани» их «опеки». Именно благодаря союзу народа и «милиции» советскому государству и удалось в кратчайшие сроки подавить криминальный хаос, который захлестывал страну на крутых поворотах ее истории (в период НЭПа, в послевоенный период).

Показательно, что советской милиции много удалось добиться в отношении искоренения преступности. По организованной преступности был нанесен сильный удар. Она не была полностью уничтожена, но загнана в глубокое подполье. Что же касается уличного хулиганства, то оно одно время почти что исчезло. По улицам советских городов годами в 1970-х можно было ходить практически безбоязненно. Это воспринималось как нечто естественное, само собой разумеющееся, и цену этому мы узнали, только когда нас захлестнул криминальный беспредел 1990-х.

Такова была советская милиция. Теперь перейдем к ее потомку – современной российской милиции.

Российская «милиция»: не полиция и не милиция

В ходе реформ начала 1990-х гг. произошел резкий отказ государства от патерналистских функций. Фактически официальной идеологией новоявленного российского государства в 1990-е годы стал неоллиберальный социал-дарвинизм. Ее основные положения сводились к тому, что государство должно превратиться в «ночного сторожа», то есть заниматься главным образом защитой собственности состоятельных «ответственных граждан» и обеспечением важнейших либеральных свобод. От социальных функций ему следует отказаться, так как поддержка малоимущих, экономических неудачников вредит конкуренции, которая по мысли идеологов неоллиберализма является залогом экономического процветания.

Государство, следуя этим рекомендациям, бросило на произвол судьбы все важнейшие институты советского социального блока (медицину, образование и др.) и самые широкие слои населения, которые не смогли ухватить «свой кусок» при разделе госсобственности. В глубокую нищету были обрушены пенсионеры, инвалиды, студенты, работники большинства

госпредприятий, то есть большая часть народа. Народ воспринял такие действия государства как предательство. Окончательной атомизации общества в России 1990-х гг. не произошло, так как на низшем, бытовом уровне люди остались членами сообществ взаимопомощи, состоящих из родственников, соседей, коллег, что обеспечило их выживание в «голодные девяностые».

Свою ненависть к государству народ перенес на российскую милицию, поскольку именно милиционер – представитель государства, с которыми люди встречаются непосредственно, на улице (чиновники сидят в кабинетах и ездят в служебных и личных автомобилях, живут в элитных домах и районах, так что практически не сталкиваются с народом в своей обыденной жизни). Естественно, отношение милиции к народу тоже не осталось прежним. Милиция есть, так сказать, передовой отряд государства, и если государство смотрит на народ как объект болезненного социального эксперимента и вполне сознательно допускает не просто понижение его благосостояния, но и масштабные людские потери, то и в отношении милиции к народу будет мало идиллии. Милиция также стала ненавидеть народ и часто воспринимать гражданское население как данников, которые не имеют никаких прав и обязаны обеспечивать благосостояние милиционеров (особенно это касается низших чинов милиции общественной безопасности).

Ситуация осложнилась еще и тем, что непродуктивные экономические и политические реформы привели к резкому росту преступности в России. Криминальный хаос захлестнул города, организованная преступность стала срастаться с бизнесом и властью, отчасти произошло и сращивание ее с милицией либо перерождение значительного количества сотрудников милиции в преступников, занимающихся racketом, прикрываясь правами и привилегиями милиционера. Кроме того, личный состав милиции был деморализован резкими изменениями в праве и в общественной морали, ведь то, что еще вчера считалось преступлениями и за что они на законных основаниях преследовали граждан (например, спекуляция), теперь государство объявляло лишенным состава преступления. Если раньше принято было смотреть на закон как на нечто твердое, неизменяемое, что оправдывало высокий энтузиазм по защите закона, то теперь стало ясно, что закон – зыбкое, изменчивое, зависящее от политической конъюнктуры. А какой смысл в таком случае фанатично бороться с нарушениями закона, если закон этот сегодня есть, а завтра – нет?

В результате всего этого милиция, хотя и разросшаяся за постсоветские годы, стала все чаще выказывать свою неспособность победить и даже контролировать преступность. По стране прокатилась волна убийств крупных финансовых деятелей, политиков, и лишь в редчайших случаях милиция находила и наказывала преступников. Как видим, даже класс новых капиталистов, олигархов, которые стали истинными хозяевами и все 1990-е годы фактически управляли государством, милиция защитить была не в состоянии: тот факт, что они создавали для защиты себя от криминала настоящую армию охранников, не доверяя милиции, говорит о многом. Приход к власти Путина, а затем и Медведева и имитация консервативного поворота при сохранении олигархической плутократической природы власти и продолжении либеральных реформ ничего не изменили. Милиция оказалась не в состоянии по-настоящему защитить ни хозяев жизни – олигархов, крупных чиновников, ни народ. Перестав быть милицией в советском смысле слова, она не стала полицией в западном смысле слова. В этом плане российская милиция оказалась обречена на реформирование. Такая, какая она есть, она стала ненужной ни власти, ни народу. Такова истинная причина законодательских и реформаторских инициатив в этой области Кремля и самого президента Медведева. Вместе с тем по заявлениям высших руководителей России видно, что они мечтают превратить российскую милицию в полицию западного типа – затея столь же дорогостоящая, сколь неосуществимая. Если не удалось это сделать в начале 1990-х, когда на фоне системной реформы общества и государства это было намного легче, то тем более не удастся сейчас, когда российская милиция стала уже устоявшимся многочисленным институтом постсоветского общества со своими интересами, социальными нишами, лоббистами во власти, связями в политическом бомонде, бизнесе и даже криминальных кругах. Можно, конечно, переименовывать ее как угодно, но толку от этого будет немного. Самое большое, на что способна сейчас команда Медведева, – имитация реформы, и, думается, это и произойдет.

Обыкновенные «сволочи»

На официальном сайте телеведущего Владимира Соловьева давно опубликован сценарный план «Фуэте». С преамбулой: «Основан на реальных событиях, подтвержденных воспоминаниями участников и архивными документами». Автор – Дмитрий Фост. Кто не знает – это такой историк, исследователь Великой Отечественной войны, уделяющий огромное значение деталям. Например, таким, как в его полудокументальном фильме «Победитель победителей», показанном по НТВ.

...Генерал Михаил Потапов, героически оборонявший Москву и попавший в фашистский плен, где ему ампутировали ногу, после войны был отправлен уже в советский фильтрационный лагерь. Оттуда его неожиданно вызвали в Кремль. На реконструкции видно, как Потапова, ковыляющего на костылях, ведут по коридору, и сопровождающий громко щелкает пистолетным затвором. От страха, что его сейчас расстреляют, генерал писается: камера панорамирует предательскую струйку в сапог, стекающую по одинокой ноге. Военачальника заводят на заседание Политбюро, и Сталин, указывая на сырые галифе, говорит, усмехаясь: «Нехорошо получилось, но спасибо вам за защиту столицы в 41-м!» А потом расцеловывает засмутившегося командарма...

Все бы «ничего», но только до конца своей жизни (в 1965 году) генерал-полковник Потапов оставался в армии и твердо стоял на земле обеими ногами. Не говоря уж о таких «мелочах», как протоколы допросов, в которых гитлеровские следователи пишут про Потапова: «Держится достойно» (т. е. мужества генералу было не занимать). Интернет-издание «Столетие» сопоставило факты, и выяснилось, что сценаристы попросту «склеили» две разные судьбы – Михаила Потапова и Михаила Лукина, тоже оказавшегося в плену, но с тяжелым ранением в ногу. Это ему в действительности Сталин говорил «спасибо» за Москву, но отнюдь не на заседании Политбюро. И штаны у Лукина были сухими. Кстати, в 1993 году ему посмертно присвоили звание Героя России.

Художник, конечно, имеет право на вымысел, чего нельзя сказать об историке, каковым Дмитрий Фост себя считает. Ведь указывает-то он конкретные имена, опирается на реальные события, пусть и «творчески переосмысленные». И потом, что за странная манера уничтожать отечественных героев? Раз уж полезла из головы фантазия, почему бы не показать, например, как тот же Потапов развернулся и врезал Сталину пощечину за провалы 1941 года? Впрочем, «Победитель победителей» Фост ничем не рискует: те, о ком он рассказывает, давно мертвы.

Но вернемся к «Фуэте». Естественно, «в начале было слово» – сочинение все того же автора под названием «Русская былина». Уже само название произведения, легшее в основу фильма с «реальными событиями», звучит несколько парадоксально. Во-первых, нерусских былин не существует в принципе. Во-вторых, хоть этимология слова и восходит к корню «быль», это совсем не значит, что Соловей-разбойник – персонаж исторический. Согласно энциклопедической трактовке, былины – «эпические песни с патриотическим содержанием,

отражающие особенности духовного уклада и нравственные идеалы народа». Намерение более чем похвальное, но выбранный жанр плохо сочетается с «архивными документами». И, наконец, Дмитрий Фост в самом первом предложении оговаривается: «Свидетелей и участников невероятных событий, о которых рассказано в этой былине, не найти: их след теряется в далеком мае 1945 года». Тогда о каких участниках идет речь в анонсе сценарного плана «Фуэте»?

Маленькое противоречие рождает большие подозрения. Но Дмитрий Фост делает все, чтоб их развеять, ссылаясь на конкретику – «Политдонесение начальника политотдела 2-й ударной армии от 8 мая 1945 года за № 00176» и воспоминания генерала, Героя Советского Союза Ивана Федюнинского. Но пора от формы переходить к содержанию. Итак...

...Место действия – Передняя Померания. 2-я ударная армия под командованием генерала И. И. Федюнинского – героя Ленинградской блокады – стремительно продвигалась по балтийскому побережью, сметая на своем пути остатки фашистского вермахта. С овладением 3 мая островом Рюген боевые действия для войск 2-й ударной армии, по существу, закончились. К. Рокоссовский отдал распоряжение создать дома отдыха для военнослужащих. С этого распоряжения все и началось...

На морском побережье было много особняков, покинутых хозяевами при приближении Красной армии. Командарм решил проехать по курортным местам острова, чтобы осмотреть и выбрать что-нибудь подходящее. Его внимание привлек красивый коттедж, расположенный в глубине большого сада.

– Заглянем сюда, – предложил кто-то из спутников.

У входа стоял пожилой человек с аккуратно подстриженными седыми усиками. Он снял шляпу и с достоинством поклонился.

– Шпрехен зи руссич? – спросил командарм.

– Я, ваше превосходительство, хорошо знаю русский язык.

– Кто вы такой?

– Из прибалтийских немцев. До революции в Петрограде у меня была табачная фабрика. Эмигрировал сюда в 1918 году.

– Вы один живете в особняке?

– О нет, со мной – 30 дам.

Все невольно переглянулись.

– Господа, здесь живут престарелые русские эмигрантки. Если желаете убедиться, прошу! – поспешил разъяснить фабрикант.

В просторном вестибюле особняка в креслах сидело несколько женщин, из которых самой молодой было никак не меньше 60 лет. Они поднялись навстречу, и по одной начали представляться:

– Графиня такая-то...

– Баронесса такая-то...

Странно было слышать эти пышные, известные только по книгам титулы.

Их было пятеро. И на вопрос «Где же остальные дамы?» одна из них, баронесса Эссен, вдова известного адмирала, распахнула шторы и пригласила всех жестом к окну. Выражение снисходительного любопытства на лицах медленно сменялось зачарованным изумлением, а потом – также медленно – окаменелостью. На зеленой лужайке в разных направлениях дви-

гались, держась за натянутые бечевки, худенькие фигурки в одинаковых платьях и белых фартучках. А прямо под окном, в такой же одежде, с рыжим котенком на руках, сидела на скамейке белокурая девочка лет четырех с глазами, перетянутыми черной лентой.

– Господа офицеры могут видеть: мы на собственное средство содержим пансионат для ослепших девочек – жертв британских бомбардировок. Им от 5 до 19 лет. Все – сироты...

Прошу прощения за столь огромный «кусочек», но он очень важен (чуть позже объясню, почему). А пока – вольный пересказ всего остального, с небольшими вкраплениями из «Политдонесения» от 08.05.1945 г. (дата тоже очень важна). Итак – «дубль-2».

...Советские разведчики поселяются вместе с престарелыми аристократками и слепыми девочками. Возникает трогательная дружба: «То, что солдаты увидели в особняке, буквально ошарашило их. Они уже не могли думать о Победе. Они думали о Мире. Ужас от очевидной хрупкости сущего, милосердие, ответственность и любовь, приняв образ этих обреченных на одиночество девочек, обрушились на немудреные головы и души солдат» (Этот авторские цитаты).

Красноармейцы поют под баян, старушки учат девочек балетным па – фуэте, как вдруг в идиллию врывается пьяный майор из соседнего танкового расположения, прибывший для «установления взаимодействия». Он понимает поставленную задачу весьма своеобразно: грязно домогается до слепых, бьет морды разведчикам, пока их командир не задерживает танкиста «для вытрезвления».

Протрезвевший воин в страшной обиде возвращается к подчиненным и объявляет тревогу. Голос за кадром: «Выдержка из политдонесения начальника политотдела 2-й ударной армии от 08.05.1945 г. № 00176: «Прибыв в расположение своей части и руководствуясь преступными соображениями, майор Чуприна собрал личный состав батальона и поставил боевую задачу: уничтожить обнаруженное им подразделение власовцев с членами семей, переодетое в форму бойцов Красной Армии».

Наши атакуют наших. Т-34 прямой наводкой расстреливают из пушек и пулеметов разведчиков, которые под «приятельским» огнем спасают «женщин, стариков и детей». «Ситуация оказалась безвыходной для слепых девчушек и старух. Они не смогли бы улизнуть (!) от охотившихся (!) на них танкистов». (Какой слог!)

Мимо плывут на катерах фашисты, которые едут сдаваться в плен англичанам. Услышав бой, они останавливаются и десантируются на остров «в количестве 50 человек».

«Богу было угодно, чтобы они высадились в нескольких десятках метров от сбившихся в кучу и охваченных ужасом слепых детей. Их почитательницы-старушки ввели немецких солдат в курс происходящего... И они бросились на помощь девятерым оставшимся в живых советским разведчикам».

Красноармейцы (которые не в танках) сразу же забыли «вчерашние обиды» и распахнули гитлеровцам дружеские объятия. После чего принялись совместными усилиями весело (!!!) мочить танкистов. «Со

вступлением в бой немцев дело пошло веселее, и через несколько минут все закончилось: фаустпатроны в опытных руках не оставляют никаких шансов даже лучшим в мире танкам».

Голос за кадром: «Выдержка из политдонесения: «В 23:30 боестолкновение закончилось. Итоги: личный состав танкового батальона потерял до 70% убитыми и ранеными. Боевая техника полностью выведена из строя и частично уничтожена. Командир батальона убит»...

«Повеселившись», оставшиеся в живых советские разведчики вместе с немцами, слепыми детьми и старухами-аристократками погрузились на катера, вышли в море, «тормознули» шведский пароход и убыли на нем в Португалию. «После чего их следы теряются».

Конец фильма.

То, что это – полный бред, можно доказать на раз-два. Помните большой отрывок из сценарного плана «Фуэте»? Так вот, он почти слово в слово повторяет мемуары Ивана Федюнинского «Поднятые по тревоге». А теперь – внимание. Первоисточник генерала заканчивается словами: «Посоветовавшись, мы решили оставить в покое престарелых русских аристократок. Для дома отдыха выбрали другой особняк». И всё! Никаких слепых детей, милосердных разведчиков, пьяного майора и добрых фашистов.

Со вторым «свидетелем» – безмянным начальником политотдела 2-й ударной армии и его «Политдонесением» № 00176 – дела обстоят еще хуже, несмотря на конкретный номер. Помните – «в 23:30 боестолкновение закончилось»? Но то – в сценарии, а в «Русской былине» Дмитрий Фост указывает другое время – 00:50. Таким образом, донесение, датированное 08.05.45, повествует о событиях, завершившихся 09.05.45: вчера рассказывают про завтра. И даже сценарная поправка на «полдвенадцатого» ситуацию не спасает. Начальник политотдела, чудом оказавшийся на месте преступления, ну никак не успевал за полчаса обозреть поле боя, в темноте подсчитать потери и опросить свидетелей, которые... уплыли в Португалию.

Повторюсь: художник имеет право на вымысел, но тогда не следует корчить из себя «летописца» «реальных событий, подтвержденных воспоминаниями участников и архивными документами». «Фуэте» – типичный «сволочный» проект (термин происходит от фильма «Сволочи»), когда вольное сочинение «про кино и немцев» создатели пытаются прикрыть высокохудожественной моралью.

И вообще – совершенно непонятно, зачем нужны «псевдогерои»: неужели на фронтах Великой Отечественной было мало настоящих? В конце концов, Штирлиц – тоже персонаж вымышленный, однако показан так, что сомнений, «делать жизнь с кого», не остается. Даже «Бесславные ублюдки» Квентина Тарантино заслуживают уважение за наглядное торжество справедливости, пусть и киношную, но месть евреев фашистам «по горячим следам». И еще: Тарантино снимал свой фарс отнюдь не про Пёрл-Харбор, а про «чужую» войну. Похоже, исторический садомазохизм любят только у нас.

Дмитрий ЛЫСКОВ

Причины возникновения продовольственного кризиса

Если армия мирного времени состояла из 1 370 000 чел., то в 1914 году ее численность возросла до 6 485 000 чел., в 1915 году – до 11 695 000 чел., в 1916 году – 14 440 000 чел., а в 1917 году – 15 070 000 чел.

Для снабжения столь большой армии требовались огромные ресурсы. Естественно, что изъятие столь большого числа рабочих рук из хозяйства не могло не сказаться на его продуктивности.

Во-вторых, в России началось сокращение посевных площадей. На первом этапе оно не было напрямую связано с мобилизацией мужского населения в армию, в чем мы убедимся ниже, и должно рассматриваться как отдельный фактор.

Сокращение посевных площадей происходило как по причине оккупации ряда территорий, так и под влиянием внутренних факторов. Их необходимо разделить. Так, Н. Д. Кондратьев в своем исследовании «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» отмечает, что «оккупация определилась в более или менее полной форме к 1916 г.», что позволяет произвести оценку выбывших из оборота земель. Цифры таковы: общая посевная площадь в среднем за 1909–1913 гг. – 98 454 049,7 десятин. Общая посевная площадь губерний, оккупированных к 1916 году – 8 588 467,2 десятин. Таким образом, под оккупацию попали 8,7% от общих посевных площадей империи. Цифра большая, но не смертельная.

Другой процесс происходил под влиянием внутренних политических и экономических факторов. Если взять общую посевную площадь (за вычетом оккупированных территорий) в 1909–1913 гг. за 100%, динамика посевных площадей последующих лет предстанет перед нами в следующем виде:

1914 г. – 106,0%
1915 г. – 101,9%
1916 г. – 93,7%
1917 г. – 93,3%

Таким образом, общее сокращение посевной площади под влиянием политико-экономических факторов является незначительным и дает к 1917 году всего 6,7%.

Получается, что сокращение посевных площадей само по себе еще не могло стать причиной продовольственного кризиса. Из чего же складывалась нехватка продуктов питания, возникшая с 1914 года и стремительно развивавшаяся впоследствии?

Данный вопрос немного проясняет взгляд на сокращение посевных площадей в зависимости от типа хозяйств – крестьянских и частновладельческих. Разница между ними в том, что первые были нацелены преимущественно на прокорм самих себя (в рамках хозяйства и общины), отправляя на рынок лишь невостребованные излишки. Их ближайший аналог – простая семья, ведущая собственное хозяйство. Вторые же были построены на принципах капиталистического предприятия, которое, используя наемную рабочую силу, было нацелено на получение прибыли с продажи урожая. Оно не обязательно должно выглядеть как современная американская ферма – это может быть и помещицья латифундия, использующая крестьянские отработки, и зажиточный крестьянский двор, прикупивший дополнительно земли и обрабатывающий их с помощью наемных работников. В любом случае урожай с этой «излишней» земли предназна-

чен исключительно на продажу – для хозяйства он просто избыточен, а сами эти земли обработать силами только хозяйства невозможно.

В целом по России без учета оккупированных территорий и Туркестана динамика посевных площадей по типу хозяйств будет выглядеть следующим образом: крестьянские хозяйства дают для 1914 года 107,1% к среднему показателю за 1909–13 гг., а частновладельческие – 103,3%. К 1915 году крестьянские хозяйства показывают рост посевных площадей – 121,2 процента, а частновладельческие – сокращение до 50,3%.

Аналогичная картина сохраняется почти для каждой части страны – для черноземной полосы, Нечерноземья, Кавказа. И лишь в Сибири частновладельческие хозяйства не сокращают посевных площадей.

«В высшей степени важно далее подчеркнуть, – пишет Кондратьев, – что сокращение посевной площади идет особенно стремительно в частновладельческих хозяйствах. И отмеченная выше относительная устойчивость посевной площади за первые два года войны сохранялась исключительно за счет крестьянских хозяйств».

То есть крестьяне, лишившись рабочих рук, но, хорошо представляя себе, что такое война, затягивают пояса и расширяют посевы – усилиями всей семьи, женщин, детей и стариков. А капиталистические хозяйства, также лишившись рабочих рук (мобилизация сказалась и на рынке рабочей силы), сокращают их. В этих хозяйствах некому затягивать пояса, они просто не приспособлены к работе в таких условиях.

Но главная проблема заключалась в том, что товарность зерна именно частновладельческих хозяйств была несоизмеримо выше крестьянской. К 1913 году помещицьи и зажиточные хозяйства давали до 75% всего товарного (идущего на рынок) хлеба в стране.

Сокращение именно этими хозяйствами посевных площадей давало существенное сокращение поступления хлеба на рынок. Крестьянские же хозяйства в очень большой степени кормили только сами себя. Кстати, интересной темой для размышлений мог бы стать вопрос о том, что стало бы с Россией, если бы перед войной удалась столыпинская аграрная реформа.

Наконец, третьим фактором, оказавшим серьезное влияние на формирование продовольственного кризиса, стала транспортная проблема.

В России исторически сложилось разделение регионов на производящие и потребляющие, или, в другой терминологии, на районы избытков и районы недостатков. Так, избы-

точными по хлебу были Таврическая губерния, Кубанская область, Херсонская губерния, Донская область, Самарская, Екатеринославская губернии, Терская область, Ставропольская губерния и другие.

Недостаточными являлись Петроградская, Московская, Архангельская, Владимирская, Тверская губернии, Восточная Сибирь, Костромская, Астраханская, Калужская, Новгородская Нижегородская, Ярославская губернии и другие.

Грубо говоря, важнейшие районы избытков лежали на юго-востоке

Европейской России, районы недостатков – на северо-западе. Соответственно этой географии складывались в стране и рынки – производительные и потребительские, а также выстраивались торговые пути, распределяющие потоки хлебных грузов.

Основным средством транспорта, обслуживающим продовольственный рынок в России, являлся железнодорожный. Водный транспорт, исполняя лишь вспомогательную роль, не мог соперничать с железнодорожным ни в силу своего развития, ни в силу географической локализации.

С началом Первой мировой войны именно на долю железнодорожного транспорта пришлось подавляющее большинство перевозок – как огромных масс людей по мобилизации, так и титанических объемов продуктов, амуниции, обмундирования для их снабжения. Водный транспорт ничем не мог помочь на западном направлении в силу естественных географических причин – водных артерий, связывающих восток и запад России, попросту не существуют.

С началом мобилизации железные дороги западного района – почти 33% всей железнодорожной сети – были выделены в ведение Военно-полевого управления практически исключительно для военных нужд. Для этих же нужд в западный район была передана значительная часть подвижного состава. Управление железными дорогами было, таким образом, разделено между военными и гражданскими властями.

Никогда и нигде многовластие не доводило до добра. Мало того, что на восточный район легла вся тяжесть снабжения западного мобилизованного района. Из западного района перестал возвращаться обратно подвижной состав. Наверняка, он был куда более необходим в прифронтовой полосе. Но такого рода вопросы требовали единого центра принятия решений, с трезвой оценкой всех плюсов и минусов. В нашем же случае к лету 1915 года задолженность западного района перед восточным достигла 34 900 вагонов.

Перед нами открывается одна из важнейших причин продовольственного кризиса: железнодорожные магистрали, обеспечивая огромные по масштабам военные поставки и испытывая острую нехватку подвижного состава, не могли справиться с нуждами гражданского сообщения.

В реальности из-за неразберихи, отсутствия единого руководства, изменения всего графика движения и мобилизации части подвижного состава объемы перевозок в стране в целом сокращались. Если принять за 100 процентов среднее количество перевозок за 1911–1913 гг., то уже во втором полугодии 1914 г. их объем составил 88,5% от довоенного уровня, а специальных хлебных перевозок – лишь 60,5%.

«Столь значительные требования войны к железным дорогам, – констатирует Кондратьев, – привели к тому, что основные железнодорожные артерии страны, связывающие главнейшие районы избытков продовольственных продуктов с потребляющими центрами внутри страны, оказались уже к концу первого года войны или совершенно недоступными для частных коммерческих грузов, или доступ этот был крайне затруднен».

Рынок продовольствия в России рухнул. Вот где причина возникновения нехватки продуктов питания с первого года войны при излишках хлеба, вот причина лавинообразного роста цен. Здесь же кроется одна из причин сокращения посевных площадей – если нет рынка, нет смысла и выращивать.

Аналогичные проблемы возникли и у промышленности – развалилось частное, а по большому счету и общее снабжение сырьем и топливом. Если у оборонных заводов в этой ситуации оставался шанс удержаться на плаву (исчез он лишь в 1916 г.), то для остальных предприятий без общей милитаризации экономики перспективы выглядели крайне безрадостно.

При этом за одной немалой проблемой скрывалась еще большая по величине. Стараясь хоть как-то компенсировать нехватку вагонов и локомотивов, а также все падающие грузоперевозки, железнодорожники значительно, сверх нормативов увеличивали использование наличного подвижного состава.

Как это часто бывает при эксплуатации сложных систем, в критических обстоятельствах велик соблазн вывести их на сверхнормативные режимы работы, выжать по максимуму, разогнать до предела, добившись временной компенсации возникших потерь. Вот только система, достигнув определенного порога возможностей, неизбежно и безвозвратно идет вразнос.

Что-то подобное произошло с железнодорожным транспортом в Российской империи. «Возрастает средний суточный пробег наличного товарного вагона и паровоза... Возрастает количество погруженных и принятых вагонов и общий их пробег, – пишет Кондратьев, – Повышение работы идет вплоть до пятого полугодия войны, до июня-декабря 1916 г., когда наступает перелом к ухудшению».

Дальше – лавинообразный выход из строя подвижного состава, хаос и разруха, которые касаются уже не только хлебных рынков, но и экономики страны вообще.

продолжение следует ...

Интервью с Анатолием Вассерманом

Обществу нужны грандиозные задачи

— Анатолий, вот Вы — умный человек. А большинство людей, населяющих Россию, к сожалению, — нет. Молодёжи это касается в особенности. Что делать, чтобы люди стремились к знаниям, к учёбе, к интеллекту? Равнялись именно на умных и рассудительных, а не на модных, стильных и знаменитых? Ставили во главу угла не гламурный китч, а, например, хорошую память и умение связно излагать свою мысль?

— Для этого нужно, прежде всего, общество, ставящее перед собою грандиозные задачи. Причём задачи, очевидным образом определяющие судьбу каждого члена этого общества. Например, сверхвысокий престиж точных наук и инженерного дела в СССР с конца 1920-х до конца 1960-х годов связан, прежде всего, с тем, что стране и народу грозило физическое уничтожение в войне. Даже выход в космос — всего лишь побочный эффект создания межконтинентальных баллистических ракет. Но как только по обе стороны океана сформировался потенциал, достаточный для гарантированного взаимного уничтожения, война стала заведомо невозможной. А предложить задачу сопоставимой сложности и важности тогдашние умы марксистского прихода не смогли. Вот и упал престиж знания и — что ещё важнее (!) — понимания. Появятся новые стратегические проблемы — появятся у общества потребности в умах.

— Как Вы считаете, что в наибольшей степени оказывает влияние на то, кем вырастет человек — личностью или элементом массы?

— Пример ближайшего окружения — в первую очередь родителей, затем родственников и одноклассников. Пример не обязательно должен быть положительным: известны многочисленные случаи формирования интересной личности именно на основе резкой антипатии к окружению. Но гораздо чаще человек стремится подражать тем, кто находится в поле его зрения. Поэтому чем глубже деградирует общество, тем сложнее вновь начать развиваться, зато если уж удастся двинуться кверху, то каждый шаг будет легче предыдущего.

— В чём, на Ваш взгляд, заключается несовершенство современной системы образования России, и как можно исправить её минусы? Что

мешает созданию на базе Российской научной школы институтов не хуже Кембриджа и Гарварда? Если не изменяет память, у Льва Ландау в своё время это почти получилось...

— Российская система образования постепенно уходит от преподавания общих закономерностей, взаимосвязей и — самое главное (!) — методов выведения конкретных фактов из этих закономерностей и взаимосвязей. Вместо этого преподаются разрозненные факты без понимания их смысла и взаимозависимости. В такую фрагментарную картину без труда встраиваются сколь угодно нелепые представления. Поэтому человек, образованный фактоцентрически, очень удобен для злостного манипулирования. Вдобавок он не способен к самообучению: например, рабочий с фактоцентрическим образованием вынужден направляться на курсы переподготовки при появлении любой новой модификации станка. В то же время фактоцентрическое обучение требует куда больших затрат сил и времени, чем законоцентрическое — ведь из одного закона можно без особого труда вывести хоть тысячи фактов, а постижение этого закона требует немногим больше усилий, нежели постижение единственного факта. Но, к сожалению, пока ум не востребован обществом, школу неизбежно нацеливают на оглушение.

— А Вы бы на месте Перельмана взяли миллион долларов? И вообще, как Вам кажется, являются ли материальные гранты хорошим средством для стимуляции и мотивации молодых (и не только) учёных?

— Скорее всего, взял бы: его работа несравненно более творческая, нежели моя, так что скоропостижное богатство вряд ли выбьет меня из колеи так же далеко, как его. В целом же гранты изначально задуманы не как поощрение уже состоявшихся достижений, а как обеспечение условий дальнейшей работы личности, уже доказавшей свой творческий потенциал. То, что они стали предметом соревнования, изрядно искажает структуру нынешней науки: занимаются не столько тем, что нужно, исходя из внутренней логики самой науки и/или её взаимосвязей с потребностями практики, сколько тем, что легче всего объяснить грантодателям.

— Почему российские светлые головы так

стремятся за рубеж? В чём корень проблемы?

— Потому что сейчас — начиная примерно с 1974-го года, когда с подачи идеологического отдела ЦК КПСС был взят курс на превращение СССР в сырьевой придаток капиталистических стран — в нашей стране почти отсутствуют и условия для творческого труда, и возможности практического применения его результатов.

— Как Вы считаете, у власти должен находиться диктатор или интеллигент? Что ближе и полезнее было бы для России сегодня?

— Диктатор вполне может быть интеллигентом. Например, Джугашвили, хотя и ушёл из Тбилисской духовной семинарии после предпоследнего курса, далее учился всю жизнь, проработал с карандашом в руках десятки тысяч книг, постоянно советовался с лучшими в стране специалистами по самым разным отраслям знаний. Другое дело, что интеллигенту зачастую трудно принять решение — особенно если наличествующих сведений недостаточно для однозначного решения. Так что некоторый диктаторский склад ума и впрямь необходим. Но если диктатор не способен говорить с интеллигентами на одном языке, он способен в лучшем случае пустить дело на самотёк, как Брежнев, или даже развалить уже начатые серьёзные дела, как Хрущёв.

teh-nomad.livejournal.com

Анатолий Вассерман

Лучшая десталинизация — демонстрация успехов

Новый председатель Совета при Президенте РФ по правам человека Михаил Федотов назвал своим главным приоритетом «десталинизацию общественного сознания».

Чем хуже идут дела, тем интенсивнее руководитель сваливает вину на предшественника. Тот факт, что сейчас накал разоблачений сталинизма даже сильнее, чем в путинскую эпоху, говорит о том, что ситуация в стране ухудшается (хотя это вызвано отчасти, разумеется, и мировым кризисом).

Я полагаю, что неплохим инструментом десталинизации российского общества был бы публичный отказ Президента от объяснения нынешних недостатков постсоветского общества советским насле-

дием. А лучшим инструментом — успехи, превосходящие хоть кого-нибудь из предшественников нынешнего главы государства.

Я готов поверить, что для г-на Федотова, например, сталинские достижения пренебрежимо малы по сравнению с возможностью отдохнуть не только на курортах черноморского побережья СССР. Но лично мне этих курортов хватало в советское время и хватает сейчас (хотя в постсоветское время обстановка на них заметно ухудшилась). Отмечу: тех, кто может себе позволить отдых на курортах, у нас сегодня стало значительно меньше.

Разумеется, понятия «десталинизация» и, соответственно, «десталинизация» в том смысле, в котором их употребляет г-н Федотов, не имеют

никакого отношения к реальной исторической эпохе Иосифа Виссарионовича Джугашвили. Интересно, что наиболее активно разоблачают сталинизм последователи куда более опасного деятеля международного коммунистического движения — Лейбы Давидовича Бронштейна. Не случайно авторы современных «цветных революций» и наиболее активные неоконсерваторы эпохи Джорджа Буша-младшего вышли из троцкистской среды. Очевидно, под лозунгом «десталинизации» нам предлагают либо переход на троцкистское направление развития, где наш народ предполагалось использовать в качестве дров для паровоза мирового прогресса, либо в лучшем случае отказ от всех достижений страны — начиная с се-

редины 1920-х годов, когда Бронштейн безнадежно проиграл Джугашвили все общепартийные дискуссии — с вечным покаянием за то, что мы когда-то осмелились развиваться.

В заключение хотелось бы процитировать фразу, принадлежащую не мне, но бродящую сейчас по Интернету: «Чем больше текущий цвет нации будет твердить, что при Сталине Родина добилась прогресса и величия ценой принесения в жертву цвета нации — тем больше в общественном сознании будет крепнуть уверенность, что текущий цвет нации срочно нужно принести в жертву, иначе величия и прогресса не дождётся».

www.rus-obr.ru

Редакция осуществляет прямую редакторскую подписку на газету без посредников. Это позволяет начать подписку с любого номера газеты и получать текущий номер сразу после осуществления платежа за подписку, а также иметь двустороннюю связь с редакцией.

Мы готовы к сотрудничеству с организациями и частными лицами в вопросах распространения газеты в любом регионе Российской Федерации. По всем вопросам, связанным с реализацией, рассылкой, доставкой, подпиской на газету, звоните по тел. редакции в Москве 8 926 559 5379, в Санкт-Петербурге 8 906 277 2338, в Кирове 8 922 903 3776.

Газета
«Точка Ру»
Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за со-

блюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1 т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издаётся с марта 2007 года. выпуск № 13 (49) Печать офсетная. Объём 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239 Подписано к печати по графику 22.10.2010 в 16.00 по факту 22.10.2010 в 16.00 Отпечатано ООО «ФОР» г. Киров ул. Щорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов.

Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@orossii.ru